

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Rebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn, Verlag
„Possev“. Bankkonto: Limburger Bank V 14. Post-
echeckkonto: Frankfurt/M 33.461. Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ, 10—6 НМ, 15—9 НМ и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ, 1/32—
13 НМ, 1/16—25 НМ, 1/8—50 НМ, 1/4—90 НМ, 1/2—
180 НМ, 1 стр.—360 НМ. Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

V год

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 10 ИЮЛЯ 1949 ГОДА

№ 28 (163)

НА ГРАНИ ИСТОРИИ

А. Зернов

События первых двух лет «мирного», послевоенного или межвоенного периода, в котором мы еще пребываем, — пока не история. Но, уходя в прошлое, удаляясь от нас, унося в небытие детали и вырисовывая, в перспективе, общие контуры пережитого, они стоят уже, пожалуй, на грани истории. Уйдя в историю, они станут, со временем, объектом научного исследования, бесстрастного и беспристрастного, и получат соответствующую оценку, быть может, несколько противоречивых оценок... Мы слишком близки к этим событиям и по времени, и по участию, а потому вряд ли годимся в судьи, но свидетелями для будущего суда истории мы имеем право быть, а может быть — и должны.

Мы — не судьи, мы — свидетели. Суд истории и суд Божий грядет еще, но грядет неизбежно, и мы выходим к барьеру...

В те времена сотни тысяч людей, пережив четверть века ужасов коммунистического режима, пройдя палочный строй нацистских рабочих лагерей и смертные бараки брошенных всеми военнопленных, вышли навстречу освободительным армиям западных демократических держав, сохраняя последнюю веру — веру в принципы христианского гуманизма, хартий прав человека

и гражданина, Атлантической и прочих хартий, биллей и деклараций, которые лежали в основе подлинных демократий, вдохновляли одних и вселяли надежды в других. То, что произошло потом, было ужасно, и ужасно, в первую очередь, не самими фактами несправедливости, насилия, низкой лжи и т. п., а крушением последней веры, последней надежды. Хотя и одних этих фактов было достаточно для большого горя.

В те времена людей преследовали, порой самым бесчеловечным образом, только за то, что они «избрали свободу», хотели порвать с диктатурой и примкнуть к демократии. За людьми охотились, вылавливали их в лесах и горах, сажали в тюрьмы, надевали на них наручники, волокли «неприкосновенных личностей» на «родину», рассуждая (по своей логике), что если люди не хотят домой, стало быть они провинились — перед родиной, перед принципами, за которые сражались демократии. Принцип свободы торжествовал в насилии, неприкосновенность личности — в побоях.

В те времена бросали слезоточивые бомбы и храм, чтобы выкурить молящихся о спасении. И люди кончали жизнь самоубийством у распятия, пробивали головой стекла окон, чтобы перерезать себе горло, женщины бросали своих детей в солдат, спасая мужей, остающиеся ложились под колеса автомобилей, спасая увозимых.

Тогда молодые коммунисты, парикмахеры и маникюрши, «уличали в неточностях» седовласых ученых, проверяя их «куррикулум вите». И надо было доказывать всем, что ты насильно вывезен в Германию, а не бежал от коммунистической диктатуры, виноват, от «новой демократии».

Офицеры давали честное слово о невыдаче, имея в кармане приказ на выдачу. Чиновники призывали, не боясь, говорить правду, всю правду и только правду, предъявляя затем соответству-

ющий параграф соответствующего соглашения.

Соглашение же это — несмыслимый позор демократии. Оно оплевало принципы христианского гуманизма, растопило в грязи права человека и гражданина и бросило в рабство малые народы. Кровавое зарево Ялты окрасило в нашей памяти зловещим светом те времена и события. И странным казалось недоумение американской печати по поводу равнодушия Европы к Нюрнбергскому процессу. На этом процессе не нейтральный международный суд (о, нет!), а победители судили побежденных, и среди этих судей — мастера заплочного дела, герои Лубянки, Колымы и Катыни... Не нейтральный суд, ибо тогда не одобровать бы и некоторым судьям.

Спасая себя, из соображений национального эгоизма не в последнюю очередь, демократические державы пошли на коллаборацию с злейшим тоталитаризмом. В силу этой коллаборации они и подписали некоторые недостойные соглашения. А в силу этих соглашений вылавливали «коллаборантов», не допуская мысли, что термин этот в меньшей степени к ним самим относится.

Учрежденная система тогдашней коллаборации действовала жестоко. Но, как в каждой жестокой системе, божественный луч человечности смягчал удары. И мы никогда не забудем тех многочисленных милых и добрых людей среди солдат и чиновников, которые творили добро вопреки инструкциям «либерально-демократической» государственности. Где ты, добрый негр, заплакавший при разгроме лагеря, темнокожий и светлородный друг наш? Где ты, милая девушка «унровка», бесстрашно вступившая за чужого тебе священника, схваченного за седеющую бороду? Где вы, многие другие благородные чужеземцы, подлинные христиане и гуманисты? Да будете счастливы вы и семьи ваши...

И где вы, юные и ретивые демократические воины, утром молившиеся, а днем посылавшие людей на смерть? Во-

(Окончание на стр. 10)

В номере:

Вл. Пастернаков
ЗА ГЛОТКУ — И НА РОДИНУ

К. Орда
О ЧЕЛОВЕКЕ,
КОТОРЫЙ БЫЛ ГРАНИТОМ

Григорий Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ